

Анна Миолай

Последние дни Эльлисара

УДК 82-312.9
ББК 84-445
М62

Миолай А.

М62 Последние дни Эльлисара / Анна Миолай. – М.: Литнет, 2026. – 242 с.

ISBN 978-5-521-99763-3

Мир фэйри, благословенный Эльлисар, умирает – мёртвые земли поглощают его, магия становится слабее с каждым днём. Кто-то готов покориться судьбе, а кто-то пытается спасти и сам Эльлисар, и всех фэйри, своего ли, чужого ли Двора. Судьбы героев переплетаются с волей Истока – силы, что ведёт. Куда? К смерти или спасению? Это история о надежде, о поиске себя, своего пути и пути к спасению обреченного на гибель народа.

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-99763-3

© Литнет, 2026

© Миолай А., 2026

Глава 1. Двор Звезд

Библиотека Ноктюрниса была под стать самой резиденции Двора Ночи – огромной, величественной, пронизанной магическими плетениями, сохраняющими книги и фолианты в первозданном виде. Мраморные колонны тянулись ввысь, сквозь прозрачный купол проникал дневной свет, рассеиваясь в листве растений, оплетающих арки, перила и книжные стеллажи, которые выстроились вдоль стен в несколько этажей.

Воздух был наполнен ароматом старых пергаментов, свежей зелени и едва уловимым запахом озона, как после дождя. Выющиеся растения спускались с балконов, прорастали между полками. Высокие стрельчатые окна от пола до потолка пропускали мягкий приглушенный свет. Лучи скользили по бесконечным рядам книг, по винтовым лестницам, террасам и балконам.

По размерам самого помещения библиотека Двора Ночи могла соперничать с любым помпезным залом резиденции. Но в отличие от них, тишина здесь была мягкой. Даже голоса птиц, доносящиеся из сада, казались частью ее. А где-то в глубине журчала вода, питающая произрастающие прямо здесь растения.

Шеолан'эл прошел через главный вход – массивные двухстворчатые двери, и звук шагов разнесся по всей библиотеке. Он не старался оставаться незамеченным. Если бы это было необходимым, его присутствие здесь было бы не столь очевидным.

Фэйри Тени окинул помещение взглядом: стеллажи, книги, приставные и винтовые лестницы, переходы. Бродить здесь в поисках того, кто как раз предпочел бы остаться ненайденным, не очень-то хотелось, и Шеол решил испытать свою удачу.

– Линта'эл, ты здесь? – произнес он достаточно громко, чтобы тот, к кому он обращался, услышал его.

В библиотеке как будто стало еще тише. Шеол вздохнул с некоторой досадой. Играть в прятки ему совершенно не хотелось. Поль-

зоваться для поисков магией – тоже. Было в этом что-то совсем уж по-детски глупое с одной стороны, а с другой он прекрасно знал, что если Линта’эл сейчас захочет, чтобы его не нашли, никто и не сможет этого сделать.

Шеолан’эл медленно поднялся по ступеням, слушая, как его шаги отзываются эхом. Несмотря на царившую здесь тишину, все же что-то подсказывало ему, что искать надо в библиотеке. Правда, задача казалась практически невыполнимой.

Среди лестниц, переходов, балконов, затененных шелестящей листвой древних фолиантов, громоздящихся на полках и стеллажах, книг, стоящих в строгом порядке и, напротив, беспорядочно лежащих на столах, подоконниках и стопками высившихся в нишах – как тут найти одного-единственного фэйри, который неплохо освоил и *вуаль Двора Звезд*, и *маскировку Двора Мглы*.

И все же Шеол не спеша шагал, периодически останавливаясь, глядясь в тени между стеллажами и не громко окликая:

– Линта’эл?

Где-то сверху раздался тихий шорох, и донесся негромкий голос:

– Я здесь.

Шеол удовлетворенно кивнул сам себе и направился к приставной лестнице, по которой можно было попасть в нишу под самым потолком, скрытую за тяжелыми резными балками, поддерживающими купол, через который в библиотеку проникал белый дневной свет.

Ниша под самым потолком напоминала крошечную комнату – тесную, низкую, всего в пять-шесть шагов в длину и столько же в ширину. В ней едва удавалось выпрямиться в полный рост: тяжелые балки проходили так низко, что почти касались макушки. Здесь хранили книги, испорченные, потрепанные временем, с едва различимым текстом на страницах, те, что уже было невозможно восстановить или переписать. Или не нужно.

Однако фэйри никогда не выбрасывали книги и не уничтожали их. Каждая была уникальна по-своему. Написанные впервые или

даже переписанные с оригинала, они не имели аналогов. Переписчик всегда добавлял что-то свое: иллюстрации, комментарии, целые главы. Оригиналы же считались частью души того, кто их написал. Не то чтобы прямо всерьез, но избавиться от части сути даже того, кто давно умер и уже, вероятно, слившись с Истоком, вернулся и живет вновь, не поднималась рука.

Шеол застал Линта'эла сидящим прямо на полу. Рядом лежала раскрытая книга с пожелтевшими страницами. Одна рука юного фэйри удерживала ее раскрытой, а другая застыла в воздухе над каким-то сложным узором, словно он пытался поймать невидимую бабочку.

Фэйри Тени слегка напряг зрение, переключаясь с одной реальности на другую. В воздухе висело тончайшее магическое плетение, похожее на трехмерное кружево, сотканное из мерцающих золотых нитей. По этим нитям едва заметно струилась сила. Шеол нахмурился, пытаясь распознать знакомые узоры и структуры, но ничего подобного он прежде не видел. Магия казалась совершенно чужой.

— Что это? — не удержался он от вопроса, нарушая тишину убежища.

Линта'эл поморщился, словно его оторвали от чего-то очень важного. В его темно-синих глазах мелькнуло досадливое сожаление.

— Ах, это... — он вздохнул. — Кажется, я ошибся. Просто... красиво, но, наверное, бессмысленно.

Несмотря на свои слова, Линта'эл все же осторожно шевельнул пальцами, словно пытаясь вдохнуть жизнь в хрупкое плетение. Золотые нити на мгновение вспыхнули ярче, но тут же рассыпались дождем крошечных искр, бесследно исчезнув в затхлом воздухе ниши. Никакого действия не последовало.

— Видишь? — с легкой долей разочарования констатировал Линта'эл. — Ничего не вышло.

— А что должно было? — фэйри Тени вопросительно приподнял бровь.

Вопрос лишним не был. У этого юного фэйри был талант находить какие-то старые записи, схемы разных плетений и магических приемов, которые не всегда оказывались безопасны для него самого и окружающих. Однако остановить его было некому.

О его таланте к магии говорили. Шутка ли, в пятнадцать лет разобраться в таких сложных плетениях, которые не всем фэйри Великих Дворов, прожившим почти сотню лет, были под силу. Но была тут и другая сторона медали. Его уже ничему не могли научить те, кто призван был заниматься его образованием. Другие же все еще считали, что он слишком молод для более серьезной магии. А жажда знаний порой приводила к непрогнозируемым последствиям.

Линта'эл закрыл книгу, из которой, по всей видимости, взял схему плетения, пожал плечами и сказал:

– Все равно ведь ничего не вышло, так какая разница?

Шеолан'эл на мгновение заколебался, размышляя, стоит ли настаивать. Впрочем, внутреннее чувство подсказало ему, что он сам этого не желает. Возможно, более разумным поступком было бы все же попытаться выяснить, что привлекло внимание юного фэйри. Подобно врожденной способности Двора Тени распознавать ложь, им было присуще и острое чувство рациональности, порой заставляющее их в поисках истины, как казалось многим, переступать черту дозволенного.

Это же чувство заставляло его ощущать себя неуютно сейчас, словно он упускает что-то важное, что будет иметь последствия. Но было и еще кое-что.

Шеол опустился на пол, напротив Линта'эла. Так стало немного удобнее – его макушка не задевала нависающие балки. Огляделся и спросил:

– Давно ты здесь себе устроил убежище?

Линта'эл улыбнулся, как показалось Шеолу, немного нервно и проговорил:

– Не говори никому, ладно?

Тот кивнул, подсознательно понимая, что в этом и была причина того, что он не станет заставлять Линта говорить о том, о чем тот говорить не желает.

– Ты снова не пришел на тренировку, – наконец, сказал Шеол то, зачем искал юного фэйри.

Он не повышал голос, просто констатировал факт. К тому же Шеол не испытывал ни толики раздражения. Он даже примерно знал, что ответит ему Линта’эл.

Тот заговорил не сразу. Он положил закрытую книгу себе на колени. Ничего особенного в ней не было. Кажется, просто какой-то сборник плетений – один из самых распространенных видов книг, которые кто-то писал время от времени чисто для себя. Эта была еще и создана на скорую руку. Что же такого Линта’эл в ней нашел?

– Не пришел, – повторил он, – потому что это бесполезно.

– Бесполезно – уметь защитить себя? – все тем же ровным тоном спросил Шеолан’эл.

Линта’эл шевельнул пальцами. Движение было едва уловимым. Плетение сорвалось раньше, чем Шеол сумел как-то отреагировать. Он успел его распознать, но на то, чтобы выставить защиту, времени не было. Да, еще мгновение, и он, вероятно, будет частично или полностью парализован. Но плетение развеялось, не коснувшись его.

– Я могу защитить себя, – упрямо ответил Линт, – при этом мне не нужно убивать других фэйри.

Шеол понял, что действительно веского аргумента у него просто нет, а потом сказал единственное, что оставалось в запасе, прекрасно осознавая, что его собеседника это точно ни в чем не убедит.

– Это желание Калиад’эла, – спокойно напомнил он.

Линта’эл досадливо нахмурился.

– Он ведь куда-то отбыл несколько дней назад. Если ты ему не скажешь, он ничего не узнает.

– Если он меня спросит, я скажу, – парировал Шеол.

Линт пожал плечами:

– Ну, значит, Истоку зачем-то нужно, чтобы мы с ним снова поссорились. А долго его не будет? И куда он вообще отправился? – Линта’эл помрачнел. – Еще и с вооруженным отрядом.

Это было так похоже на начало нового конфликта, что и Шеолу было не по себе. Установившийся в последние несколько лет хрупкий мир грозил в одночасье вскипеть новой войной. И даже если это не коснется Двора Ночи и его вассалов напрямую, отголоски ее отразятся на всех.

– На север, к границе, – ответил Шеол после короткой паузы. – Взял отряд и отправился проверить дозорные башни. С одной из них передали, что видели что-то странное в мертвых землях.

– Странное в мертвых землях? Что там может быть, кроме шайсаров? – Линта’эл недоуменно воззрился на него.

Шеол качнул головой. Он не знал ответа.

Мертвыми землями называли теперь бесплодные просторы, которые, словно язвы, покрывали пятнами весь Эльлисар. Там не росли цветы. Не пели птицы. Погибли деревья. Исчезли животные. Само пребывание там было небезопасным. Капля за каплей сама земля теперь вытягивала жизнь из любого, кто оказывался в ее власти.

Магическая ткань мира здесь угасла, и ее нити больше не наполнялись живой энергией.

А когда на небе появлялся погасший навсегда Иль-Серениад, единственными, кто все еще бродил по опустошенным землям, были шайсары – не живые, но и не мертвые.

На севере владений Двора Ночи и его вассалов простиралась такая вот бесплодная огромная территория, отделяющая теперь их от земель Двора Зимы. Прежде там были города и резиденция Двора Звезд, одного из семи Блистательных, подчиняющихся Ночи.

Все случилось двенадцать лет назад. Двор Льда и Двор Звезд вступили в конфликт. За что? Почему? Иногда Шеолан’элу, с его склонностью к рациональному и логичному, казалось, что все эти войны с самого начала не имели никакого смысла. Каждая ситуация

могла быть разрешена. Однако Тени не хватало чего-то, чтобы понять, как именно. Он мог выслушать речи одних и других, понять, кто говорит правду, а кто откровенно лжет. Но это часто никак не помогало в том, чтобы понять, как выйти из положений и не устроить очередной стычки, заканчивающейся кровопролитием.

Тут же он не мог даже вспомнить причину.

О том, что происходит Великие Дворы Ночи и Зимы узнали слишком поздно. Двор Звезд был истреблен. Его территорию и частично территорию Двора Льда поглотили мертвые земли.

На тот момент Калиад'эл был файрином Двора Ночи неполных два года. И перед ним стоял выбор: отомстить за вассала, тем более что это был удар по самому Двору Ночи, или поступить разумно.

И хоть в тот момент многие фэйри критиковали его решение (Звезды были не просто вассалами, Ночь связывали с ними и родственные узы), Шеол, зная все нюансы и сложности, с которыми столкнулся файрин, полностью поддерживал Калиад'эла в его решении.

Двор Зимы, на удивление, также согласился на переговоры. А Двор Льда получил наказание, достаточно тяжелое, но не жестокое, по меркам Черной эпохи, в которую им всем пришлось жить.

– Надеюсь, это не какая-то провокация Двора Льда, – пробормотал Линта'эл, как бы озвучивая общую догадку.

– Сейчас с их стороны это было бы крайне неразумно, – покачал головой Шеол, – сын их файрина, Сиан'эл, гостит в Ноктюрнисе.

Линта'эл родился в Черную эпоху, когда мир фэйри давно перестал быть единым, и за каждым Двором тянулся длинный кровавый след. Он не знал иного времени, не видел расцвета Эльлисара. Зато достаточно прочитал о Белой эпохе в книгах, собранных в Ноктюрнисе, чтобы понимать, как сильно изменился их народ, и как мало осталось от того, чем они когда-то были.

Его самого бедствия Черной эпохи пока обходили стороной. И он осознавал, что относительно спокойное детство – не более чем благосклонность Истока, что ему просто повезло быть частью самого могущественного из оставшихся Великих Дворов.

Иной раз, погружаясь в тексты, написанные до первых войн и Проклятий, Линта'эл ощущал бессильный гнев, направленный неизвестно на кого. То ли на фэйрина Двора Лета, жившего две сотни лет назад, с которого, как считали многие, началась Черная эпоха. То ли на всех вместе взятых фэйринов, правящих теперь, за то, что они не могли это все остановить. То ли на себя самого за то, что не может принять этот мир таким, какой он есть – наполненный смертью, болью, шайсарами и Проклятиями.

Эти мысли он сначала выплескивал на старших, на своих наставников и на брата. Но никто не мог ему внятно ответить, почему мир стал таким.

О своем одиночестве Линта'эл задумывался редко. Он не знал своей матери, говорили, что она умерла через месяц после его появления на свет и принадлежала к Двору Тени. Отца, прежнего фэйрина Двора Ночи, он помнил смутно. Только высокую фигуру, сердитый взгляд, который, кстати, унаследовал его брат, Калиад'эл, и имя. Но разве по всему этому можно скучать?

Не знал он и каково это – расти среди ровесников, спорить, делить радости, учиться вместе, шалить. Может быть, поэтому чисто детские проказы были ему чужды. Какой от них толк, если не с кем посмеяться, а потом вспоминать наказание?

Только вот, когда он научился плести чары и разбирать схемы плетения, даже самые странные и неразборчивые, по старым книгам, он иногда переступал за рамки дозволенного.

Но он хотел понимать. Разбирать узоры старых плетений, распутывать забытые структуры заклинаний, искать то, что считалось утраченным. В этом было что-то упрямо личное. Как будто, погружаясь в древние книги, он пытался на ощупь вернуться в Белую эпоху.